

Религиозные традиции и духовная безопасность: междисциплинарные исследования

DOI [10.31162/2618-9569-2018-11-1-145-156](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-1-145-156)

УДК 297[316.74:2+323](470.41)

ВАК 6.00.01; 23.00.05

Проблемы методологии изучения религиозной традиции в контексте постсоветской реисламизации

Л. В. Сагитова

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация
liliya_sagitova@mail.ru*

Аннотация: в статье рассматриваются социологические аспекты ислама в постсоветской России и одном из её регионов – Татарстане. Автор обращает внимание на ряд влиятельных факторов, без учёта которых невозможно адекватное исследование процессов постсоветской реисламизации. К наиболее значимым следует отнести: региональную дифференциацию мусульманских сообществ; влияние советской модернизации и государственной идеологии атеизма на состояние исламской теологии и трансмиссию религиозных норм и практик; влияние глобализационных трендов и глокализации на идентификацию и практики мусульман. Совмещение в одном социокультурном пространстве местной религиозной традиции и образцов исламской глобализации в тесном соседстве с секулярным сообществом формирует ситуацию конкуренции идентификационных проектов, нормативных и идеологических конфликтов, как среди духовных лидеров, так и внутри самой уммы. Новые вызовы постсекулярного мира требуют пересмотра методологии изучения мусульманских сообществ, переосмысления понятия «традиция» в контекстах локальной истории татар в условиях многоконфессионального российского общества и глобальной исламской традиции. Показан исследовательский потенциал конструктивистских подходов в социологии и теорий идентичности в изучении ислама и мусульманских общин.

Ключевые слова: реисламизация, ислам в Татарстане, исламская глобализация, религиозная идентичность, традиция, социологический конструктивизм

Для цитирования: Сагитова Л. В. Проблемы методологии изучения религиозной традиции в контексте постсоветской реисламизации. *Минбар. Исламские исследования*. 2018;11(1):145–156. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-1-145-156](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-1-145-156).

Благодарности: работа, по результатам которой написана статья, выполнена по Государственной программе «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2019 годы)».

Problems of the Methodology for Studying the Religious Tradition in the Context of post-Soviet reIslamization

Lilia V. Sagitova

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russian Federation
liliya_sagitova@mail.ru*

Abstract: the article examines the sociological aspects of Islam in post-Soviet Russia and one of its regions – Tatarstan. The author draws attention to a number of influential factors, without which it is impossible to adequately study the processes of post-Soviet reIslamization. The most significant are: regional differentiation of Muslim communities; the influence of Soviet modernization and state ideology of atheism on the state of Islamic theology and the transmission of religious norms and practice; the impact of globalization trends and glocalization on the identification and practices of Muslims. The combination in one socio-cultural space of the local religious tradition and the patterns of Islamic globalization in close proximity to the secular community forms the situation of competition of identification projects, normative and ideological conflicts, both among spiritual leaders and inside the ummah itself. The new challenges of the post-secular world require a revision of the methodology for studying Muslim communities; rethinking the concept of “tradition” in the contexts of the local history of the Tatars in conditions of a multi-confessional Russian society and a global Islamic tradition. The research potential of constructivist approaches in sociology and identity theories in the study of Islam and Muslim communities is shown.

Keywords: reIslamization, Islam in Tatarstan, Islamic globalization, religious identity, tradition, sociological constructivism

For citation: Sagitova L. V. Problems of the Methodology for Studying the Religious Tradition in the Context of post-Soviet reIslamization. *Minbar. Islamic Studies.* 2018;11(1):145–156. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-1-145-156](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-1-145-156).

Acknowledgements: this work was supported by the State Program “Preservation of National Identity of the Tatar people” (2014–2019).

Введение

Изучение теологической традиции ислама и выстраивание процесса российского исламского образования неразрывно сопряжены с конечным адресатом этого важного социального проекта – российскими мусульманами, для которых, собственно, и готовятся духовные кадры. В связи с этим основное внимание в настоящей статье будет уделено социологии ислама в России и проблемам методологии изучения исламских ценностей и практик у российских мусульман.

Социологический подход синтезирует спектр факторов, способных оказать влияние на бытование ислама в России. Специфичность положения ислама в России связана с несколькими важными обстоятельствами. Первое из них –

региональная дифференциация исламской традиции в её соединении с локальными особенностями жизни мусульманских сообществ: ислам на Кавказе или в Поволжье имеет свои различия, обусловленные климатическими, культурными, экономическими и политическими условиями. Географическая близость или удалённость от «метрополии», или политического центра страны, гомогенный или многоконфессиональный характер региональных сообществ – всё это исторически формировало специфику культурной составляющей религиозной традиции мусульман России.

Вторым важным обстоятельством выступает *советское прошлое* с идеологией атеизма, имевшее колоссальные по значимости последствия для религиозной сферы всех конфессиональных сообществ России. Это и утрата теологической традиции, и сужение сферы религиозных практик, и трансформация институциональной и семейной трансмиссии религиозных ценностей и ритуалов. Секуляризация и модернизация советского общества сформировали отличное от религиозного мировосприятие у последующих поколений жителей страны и продолжают оказывать влияние как на наследников религиозной традиции, так и неофитов.

Третьим обстоятельством является *культурная глобализация* (и в её русле – исламская глобализация) и ответная *глокализация*, апеллирующая как к этнокультурным, так и к религиозным ценностям. Без учёта названных обстоятельств невозможно адекватно анализировать религиозные процессы в многоконфессиональном и многокультурном сообществе России.

Актуальность темы, обусловленная активной реисламизацией и политическим подтекстом этого явления, стимулирует появление множества работ. Многие исследователи сегодня признают сложность анализа ислама как социального феномена, так же как и в целом религиозности, которая представляется в новейшее время «совершенно новой эмпирической реальностью» [1]. Понимая ограниченность политологического и исторического методов, некоторые исследователи обращаются к исследовательскому неоклассицизму, под которым понимают преимущественно эмпирическое исследование конкретных течений, направлений, школ, возникающих и существующих в исламе [2].

Обращение к эмпирике вполне объяснимо в связи с тем, что с помощью прежнего концептуального и категориального аппарата, использовавшегося для исследования религии в жизни общества, невозможно адекватно проанализировать и отразить современные реалии. Сложность исследования названных процессов обусловлена инерционностью религии в жизни общества, которая отчётливо проявляет себя в условиях секулярности и постсекулярности. Так, социолог Даниэль Эрвье-Леже, описывая французское общество, утверждает, что «несмотря на индивидуальное и коллективное отдаление населения от церкви, массовое сознание по-прежнему остаётся... слепком с культурной матрицы, сформированной на протяжении столетий господствующей религией. Католицизм за эти столетия глубоко пропитал всё общество и его институты» (цит. по: [3, с. 6]).

Российская специфика «новой» религиозности и теоретические подходы к её изучению

Приведённое обстоятельство, характеризующее отличный от России социальный контекст, а именно непрерывность религиозной традиции, заставляет по-иному взглянуть на религиозность в условиях советского атеизма, так же как и на влияние утвердившихся в тот период религиозных практик на процесс постсоветского религиозного «возрождения». Утрата целостности религиозной парадигмы в жизни сообществ в условиях секулярного мира, наряду с экспансией множества идентификационных концептов, зачастую идеологически противоречащих друг другу, привела к размытости границ между социальными полями религиозного и секулярного. В обозначенном контексте исследовательский потенциал имеет конструктивистская парадигма Б. Андерсона, предложившего концепт «воображаемого сообщества» и противопоставившего устойчивой и непротиворечивой идентичности верующих в реалиях средневековых религиозных мегасообществ – модерную мобильность идентичности [4]. Этот аспект, наряду с включением глобализационных процессов, актуализирует использование новых концепций десекуляризации, разрабатываемых теоретиком социального конструктивизма П. Бергером и его последователями. Как отмечает Д. Эрвье-Леже, характеризуя религиозную идентификацию в условиях развитого современного общества, «индивид строит свой духовный и религиозный микромир из калейдоскопа разбросанных повсюду элементов, почти всегда вырванных из того символического синтаксиса, который позволил бы их адекватно “прочитать”» [5, с. 260]. В одной из недавних работ предпринятый социологами анализ постсоветских религиозных практик наглядно продемонстрировал всё разнообразие механизмов конструирования и изобретения «религиозной традиции» среди разных этнических групп и социальных слоёв современного российского общества [6].

Сущностным компонентом реисламизации в современной России является процесс идентификации, форма и содержание которого зависят как от внутренних, субъективных мотиваций верующего, так и от внешней социальной конъюнктуры. Религиозная идентификация в эпоху Средневековья, в эпоху модерна и постмодерна – различающиеся процессы, несмотря на то, что сама сфера идентификации – религия – самый консервативный и устойчивый во времени феномен. В связи с этим особую актуальность приобретает концепт идентичности и вопрос его операциональной эффективности, чему посвящена известная работа Р. Брубейкера и Ф. Купера [7]. Проведённый ими анализ существующих значений названного понятия продемонстрировал его многозначность и противоречивость. С одной стороны, понятие идентичности используется в «сильном» значении для обозначения неизменных, зафиксированных, возможно, раз и навсегда идентичностей. Такая трактовка характерна для сторонников эссенциалистского подхода и зачастую используется в исследованиях религиозной идентичности. С другой стороны, конструктивисты, считая, что идентичности создаются, изменяются и множатся, стремятся очистить понятие от

нагрузки «эссенциализма». В результате авторы приходят к выводу, что понятие идентичности остаётся слишком неопределённым. Если оно конструируется изнутри, то тогда сложно оценить воздействие внешних идентификаций, которые иногда принимают характер принуждения [7, с. 62].

Переоценка понятия стимулировала авторов заменить обесценившуюся, по их мнению, категорию понятием «идентификация». Для исследования процесса идентификации был предложен ряд кластеров: «идентификация и категоризация»; «самопонимание и социальная ориентация»; «общность, связанность, групповая принадлежность». Разработанные Р. Брубейкером и Ф. Купером категории позволяют выстроить новые перспективы для анализа сложных идентификационных процессов в условиях постсекулярного мира. Предложенный ими инструментарий даёт возможность увидеть ряд важных для научного исследования и последующей интерпретации аспектов:

- важность внешних и внутренних агентов-кодификаторов идентичностей – тех субъектов, которые формируют идентичность;
- пластичность категории идентичности у людей в зависимости от социального и культурного контекста;
- стимулы и ограничения релятивистского способа идентификации: позиционирование себя или другого в сети взаимоотношений – родственных, дружеских, деловых [7, с. 64].

Так, среди агентов-идентификаторов, оказывающих воздействие на религиозную идентификацию мусульманина, можно выделить институт семьи, ближайшее окружение, мусульманскую общину, религиозных наставников, мечеть, государство, СМИ, Интернет, транснациональных и глобальных акторов. В зависимости от социального контекста, религиозная идентичность может приобретать жёсткие или, наоборот, пластичные формы. Вне зависимости от вида идентичности (этническая, гендерная, религиозная и т. д.), выведение её в формат девиации со стороны будь то социального окружения, будь то государства, приводит к закономерному исходу: кристаллизации идентичности и формированию жёстких, непроницаемых социальных и культурных границ [8, с. 84–85]. Данный аспект особенно важен при исследовании форм религиозного радикализма. При этом особую продуктивность для их анализа несёт в себе выделяемый Брубейкером и Купером концепт сетевой коммуникации. Так, социальные сети могут выполнять довольно большой спектр функций в процессе религиозной идентификации индивида: их состав, характеристики их социальной функции, характер и интенсивность интеракций внутри сетей и с внешним миром – становятся контекстом, оказывающим определяющее влияние на процесс и характер религиозной идентификации индивида и религиозных групп.

Применение предложенных учёными категорий позволяет увидеть, что осознание собственного «Я» может изменяться с течением времени, но может быть и стабильным; даёт возможность тонкого различения предлагаемых Брубейкером и Купером близких терминов – «самопрезентация» и «самоиден-

тификация». Различие между ними и «самопониманием» небольшое: «самопонимание» может иметь невербальный характер, в то время как «самопрезентация» и «самоидентификация» предполагают дискурсивное формулирование. Имея в виду как приватный, так и публичный характер проявления религиозной идентификации, можно говорить о значительном операциональном потенциале предложенных авторами категорий.

Религиозная традиция и социальный контекст

Сам по себе процесс «возвращения» ислама на постсоветское пространство неоднозначен и сложен. Поэтому в научной литературе зачастую встречаются не совпадающие или противоречащие друг другу объяснительные модели. Для научной литературы конца 1980-х – начала 1990-х годов было характерно понятие «исламское возрождение», под которым подразумевался возврат к исторической традиции тюркских народов СССР после 70-ти лет атеизма. Однако уже к началу XXI в. стало ясно, что «вернувшийся ислам» часто отличается от дореволюционных канонов. Появилось другое понятие – «исламская глобализация», подразумевающее заполнение духовной ниши тюрков арабской версией ислама. Появление духовных учителей и проповедников из стран исламского Востока, подготовка молодых имамов и мулл в зарубежных духовных центрах положили начало процессу ревизии традиции предков. Средоточием споров стала *традиционность* в исламе, поскольку проводники обозначенных тенденций апеллировали к истине как мерилу легитимности своего направления. Для обращавшихся к региональной исторической традиции истина – в канонах предков. Исламские неопиты отсылают к арабской модели ислама, считая лишь её одну единственно верной. Паства также в условиях конфликта «старой» и «молодой» религиозных элит болезненно реагирует на противостояние духовных наставников. В результате формируется расколотость мусульманских общин по ценностным и идеологическим основаниям. Все обозначенные проблемы требуют серьёзного и системного анализа.

Первое, что актуализируется в описанной ситуации, – это понятие религиозной «традиции», которое имеет множество разных трактовок и пониманий и в связи с этим оказывает реальные последствия на деятельность исламского духовенства и религиозную жизнь мусульманской общины. Учёные, занимающиеся изучением феномена «традиции», обращают внимание на понятие-оппозицию – «инновация», справедливо указывая на то, что исторически традиция формируется из наслоений инноваций. Известный социолог и культуролог А. Б. Гофман исследовал названные явления в контексте их взаимодействия [9]. По его мнению, успех анализа социокультурных процессов во многом зависит от умения учитывать всю сложность и многозначность традиционных аспектов культуры и социального поведения. Под «традицией» учёный понимает «социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определённых обществах и социальных группах в течение длительного време-

ни» [10, с. 265]. К составным частям традиции исследователь относит объекты социокультурного наследия (то, что передаётся), процессы наследования и его способы. В качестве традиций он выделяет такие явления, как определённые культурные образцы, социальные институты, нормы, ценности, знания, обычаи, ритуалы, стили и т. д. Говоря о том, что традиции, существуя во всех социальных системах, образуют необходимый элемент их функционирования и развития, учёный подчёркивает значимость традиции в религии [9, с. 18]. Важной стороной анализа становится исследование различных видов традиций и традиционности, их смыслов, значений и функций в определённых социокультурных комплексах и ситуациях. Учёный выделил различные типы традиции: «традицию-инерцию» (воспроизводство привычного порядка вещей); «традицию-ностальгию» (воспоминания о прежних временах); «традицию-реставрацию» (стремление восстановить реальное или мифическое прошлое); «традицию-ритуал» (воспроизведение в символической форме тенденций и событий прошлого); «традицию-константу» (культурный образ, сохраняющийся в определённом обществе в течение длительного времени); «традицию-оболочку» (содержит новое явление в старой оболочке) [9, с. 20]. Его призыв исследовать взаимодействие традиций с другими социокультурными явлениями – инновациями, диффузией, заимствованиями, различными проявлениями глобализации и информатизации – ещё раз акцентирует невозможность сегодня говорить о традиции как о некоем первозданном феномене, претендующем на «истинность» [9, с. 20–21]. В связи с этим описанный выше подход А. Б. Гофмана представляется продуктивным для анализа процесса реисламизации в различающихся российских региональных контекстах.

Социология постсоветского ислама в Татарстане

Как отмечалось, сегодня ислам в России невозможно анализировать вне социокультурного контекста: комплекс самых разных факторов оказывает влияние как на ценностный и нормативный континуум, так и на религиозные практики. Плюрализация и гибридизация социального пространства в условиях постсоветской общественной трансформации, глобализации и глокализации подводят нас к пониманию того, что спектр мотиваций обращения к исламу значительно расширился. Религия может выступать как сугубо идеологическое явление, выполнять нормативно-этическую и моральную функцию, становиться ресурсом в этнокультурном и этноконфессиональном самоопределении региона. В Татарстане реализовался весь спектр приведённых мотиваций: ислам заполнил идеологический вакуум для многих тысяч обычных людей, ищущих опору и ориентиры в сложную эпоху перемен; стал необходимым атрибутом «возвращения» к «исконным корням народа», или «вере предков», обеспечивая массовую поддержку этнического ренессанса в Татарстане в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Он же явился важным аргументом во внутривнутриполитическом и культурном самоопределении регионов России с мусульманским населением в ранний постсоветский период; стал важнейшим ресурсом в поиске экономических и полити-

ческих союзников для региональных администраций и мусульманских институтов в условиях новых политических реалий и рыночной экономики.

Говоря о социологии постсоветского ислама в Татарстане, мы имеем в виду трансформацию социального пространства, связанного с духовной жизнью мусульман республики после 70-ти лет советской политики атеизма.

В качестве ключевого следует выделить аспект «возвращения» ислама в современное татарское сообщество и следующую за этим исследовательскую проблему – социологические последствия этого «возвращения». Последствия связаны с комплексом проблемных зон, среди которых:

- социально проявляющийся конфликт татарской теологической традиции с «истинным» исламом преимущественно в его арабской версии;
- проблема трансмиссии исламского вероучения среди мусульманских наставников;
- расколотость татарской мусульманской уммы по идеологическому и ритуальному основаниям;
- социальные основания специфики воспроизводства исламского учения и практик;
- ислам в Татарстане в контексте этнополитики и приоритетов мега- и мезоуровневой геополитики Российской Федерации и Татарстана.

Практически все перечисленные проблемы выводят ислам в поле политики, и обе его составляющие – ценностно-ритуальная (связанная с теологией) и социальная (состояние мусульманских общин) – тесно взаимодействуют с секулярным пространством. Динамика этого взаимодействия во многом зависит от политики государства на федеральном уровне и региональных администраций, при этом ставка в последние годы делается на модернизационный потенциал ислама в противовес исламскому фундаментализму. В связи с этим научное сообщество обращается к татарской версии модернизации ислама, истории татарского религиозного реформаторства, татарской теологической традиции в ситуации конкуренции с глобальными идентификационными процессами [11–13]. Отстаивание локальной религиозной идентичности перед исламской глобализацией артикулируется в качестве приоритета в формировании системы национальной безопасности [14]. Ключевым звеном политики отстаивания проекта «татарский ислам» становится исламское образование. Восстановление утраченной богословской традиции происходит в сложных и противоречивых обстоятельствах. С одной стороны, предпринимаются активные усилия по актуализации теологической татарской образовательной традиции в условиях постсекулярности [4; 15–17]. С другой стороны, наряду с этим идёт процесс восстановления связей, в том числе и образовательных, с арабским Востоком, но при этом сохраняются опасения относительно исламского фундаментализма и исламского радикализма, а также опасения утраты региональной религиозной идентичности. Резкий подъём интереса к исламу среди татар республики и годы кадрового дефицита мусульманских теологов и простых служителей культа способствовали

формированию мировоззренческой и идеологической гетерогенности внутри мусульманской уммы Татарстана. В условиях секулярного государства названные обстоятельства способствовали формированию новых культурных границ как внутри самой уммы, так и с православным и секулярным сообществом [18]. Политические институты, и государство в первую очередь, ожидаемо будут стремиться к определённой унификации и поиску объединяющего идеологического / теологического знаменателя для мусульман страны, поскольку консолидация граждан России в единую нацию россиян продекларирована в качестве приоритетной государственной задачи [19–21]. Очерченные выше обстоятельства социальной конъюнктуры, несомненно, будут оказывать влияние на процесс восстановления позиций «своего» ислама и, соответственно, на процесс идентификации мусульман Татарстана и России в целом.

Заключение

Говоря о влиянии современности на «традицию», важно вспомнить замечание А. Б. Гофмана о том, что «каждое поколение, воспринимая из прошлого некоторую совокупность культурных образцов¹, не просто усваивает их в неизменном виде. Оно неизбежно, так или иначе, осуществляет среди них отбор, по-своему их интерпретирует, приписывает им новые значения и смыслы, которых до него не было. Иными словами, мы всегда выбираем не только своё настоящее, не только своё будущее, мы всегда вольно или невольно выбираем своё прошлое» [9, с. 19].

Если говорить в обсуждаемом контексте об исламской традиции татар, то здесь мы сталкиваемся с тем, что бытовавший веками среди татар-мусульман набор культурных образцов был вытеснен советской модернизацией. Поэтому современный этап восстановления исламской традиции, судя по наблюдаемым процессам в религиозной сфере, представляет собой сочетание образцов татарского исламского теологического наследия, исламской глобальной традиции, сохранившихся практик и представлений недавнего советского прошлого и новых конструктов, формирующихся как ответ на социально-политическую конъюнктуру, задаваемую российским государством и обществом. Задача сегодняшнего дня состоит в том, как актуализировать восстанавливаемую татарскую теологическую традицию в контексте исламской глобализации для сильно изменившихся её наследников, существующих в кардинально ином социальном контексте. Решение этой проблемы невозможно без комплексного изучения всех вышеназванных составляющих в их динамическом взаимодействии и использования операционально адекватной методологии.

¹ Как отмечает А. Б. Гофман, «в каждом обществе... существует определённый набор культурных образцов, которые образуют ценностно-нормативное ядро общества и носят более или менее общезначимый характер. В социальной науке это ядро обозначалось и обозначается как «коллективное сознание» (Э. Дюркгейм), «генерализованные универсалистские нормы», «структурированный нормативный порядок» (Т. Парсонс), «гражданская религия», «публичная религия» и т. п.» [9, с. 19].

Литература

1. Узланер Д. Картография постсекулярного. *Отечественные записки.* 2013;(1):175–192. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo> [Дата обращения: 25 февраля 2018 г.].
2. Магомедов А. Феноменология пограничного ислама: локальная «исламская альтернатива» в пределах каспийско-предкавказских мусульманских коммуникаций. *Казанский федералист.* 2006;(4). Режим доступа: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n20/8/> [Дата обращения: 16 февраля 2018 г.].
3. Филиппова Е. И. Религиозность и секулярность в эпоху постмодерна и попытка ее осмысления: термины, концепты и гипотезы. В: Радвани Ж., Филиппова Е. И. (ред.) *Религии и радикализм в постсекулярном мире. Российско-французский диалог.* М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия – Телеком; 2017:4–17.
4. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма.* М.: Канон-Пресс-ц, Кучково поле; 2001. 288 с.
5. Эрвье-Леже Д. В поисках определённости: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2015;(1):254–268.
6. Кормина Ж. В., Панченко А. А., Штырков С. А. Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2015. 280 с.
7. Купер Ф., Брубейкер Р. За пределами «идентичности». *Ab Imperio.* 2002;(3):61–117.
8. Гатагова Л. С. Кристаллизация этнической идентичности в процессе массовых этнофобий в Российской империи (вторая половина XIX в.). В: Степанянц М. Г. (ред.) *Религия и идентичность в России.* М.: Восточная литература; 2003:82–98.
9. Гофман А. Б. От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков. В: Гофман А. Б. (ред.) *Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики.* М.: РОСПЭН; 2008:9–63.
10. Гофман А. Б. Традиции. В: Левит С. Я. (ред.) *Культурология. XX век.* СПб.: Университетская книга; 1998;2:265–266.
11. Исаков Д. М. Джадидизм. В: Мухаметшин Р. М. (ред.) *Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность.* Казань: Мастер-лайн; 2002:128–136.
12. Малашенко А. В., Набиев Р. А., Хабутдинов А. Ю. Джадидизм. В: Набиев Р. А. (ред.) *Ислам на европейском Востоке.* Казань: Магариф; 2004:78–80.
13. Мухаметшин Р. М. Джадидизм. Идеология обновления. В: Усманов М., Хакимов Р. (ред.) *История татар с древнейших времен.* Казань: Рухият; 2013;6:720–724.
14. Кашаф Ш. Р. Вызовы национальной идентичности: мусульманский ответ, российский случай. *Власть.* 2015;(4):107–115.
15. Кашаф Ш. Р. Модернизация исламского образования как фактор религиозной и национальной безопасности России. *Ислам в современном мире.* 2015;11(4):47–62. DOI: 10.20536/2074-1529-2015-11-4-47-62.
16. Мухаметшин Р. М. Система мусульманского образования в современной Центральной России в контексте внутриконфессиональных процессов. В: *Ислам и*

государство в России. Материалы международной научно-практической конференции, г. Уфа, 11 сентября 2013 г. Уфа; 2013:17–21.

17. Якупов В. Соотношение религии и общества в духовном образовании. В: Система мусульманского религиозного образования у татар: история, проблемы, перспективы. Материалы научно-практической конференции, г. Казань, 13 октября 2004 г. Казань: Институт истории Академии наук Республики Татарстан; 2005:14–15.

18. Сагитова Л. В. Реисламизация в постсоветском Татарстане и новые культурные границы В: Радвани Ж., Филиппова Е. И. (ред.) *Религии и радикализм в постсекулярном мире. Российско-французский диалог*. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия – Телеком; 2017:91–114.

19. Путин В. В. Выступление на заседании совета по межнациональным отношениям. *Вестник Российской нации*. 2012;24–25(4–5):12–16. Режим доступа: http://rosnation.ru/?page_id=1080 [Дата обращения: 22 февраля 2018 г.].

20. Путин В. В. Россия: национальный вопрос. *Вестник Российской нации*. 2012;22–23(2-3):13–23. Режим доступа: http://rosnation.ru/?page_id=537 [Дата обращения: 22 февраля 2018 г.].

21. Тишков В. А. Федеральная власть и законодательный ресурс этнокультурного развития. *Вестник Российской нации*. 2011;15(4–5):15–23.

References

1. Uzlauer D. Mapping the Post-Secular. *Otechestvennye zapiski = Domestic Notes*. 2013;(1):175–192. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo> [Accessed 25 February 2018]. (In Russ.)

2. Magomedov A. Phenomenology of Borderline Islam: a Local “Islamic alternative” within the Caspian-pre-Caucasian Muslim communications. *Kazanskiy federalist = Kazan Federalist*. 2006;(4). Available at: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n20/8/> [Accessed 16 February 2018]. (In Russ.)

3. Filippova E. I. Religiosity and Secularism in the Postmodern Era and Attempts to Understand it: Terms, Concepts and Hypotheses. In: Radvani Zh., Filippova E. I. (eds) *Religions and Radicalism in the post-Secular World. Russian-French Dialogue*. Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Goryachaya liniya – Telekom; 2017:4–17. (In Russ.)

4. Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kanon-Press-ts, Kuchkovo pole, 2001. (In Russ.)

5. Hervieu-Léger D. In Search of Certainties: The Paradoxes of Religiosity in Societies of High Modernity. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2015;(1):254–268. (In Russ.)

6. Kormina Zh. V., Panchenko A. A., Shtyrkov S. A. The Invention of Religion: Desecularization in the post-Soviet Context. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg; 2015. (In Russ.)

7. Cooper F., Brubaker R. Beyond “Identity”. *Ab Imperio*. 2002;(3):61–117. (In Russ.)

8. Gatagova L. S. Crystallization of Ethnic Identity in the Process of Mass Ethnophobia in the Russian Empire (second half of the 19th century). In: Stepanyants M. G. (ed.) *Religion and identity in Russia*. Moscow: Vostochnaya literature; 2003:82–98. (In Russ.)

9. Gofman A. B. What Inheritance do we Renounce? Sociocultural Traditions and Innovations in Russia at the turn of the 20–21th Centuries. In: Gofman A. B. (ed.) *Traditions*

and Innovations in Modern Russia. Sociological Analysis of Interaction and Dynamics. Moscow: ROSSPEN; 2008:9–63. (In Russ.)

10. Gofman A. B. Traditions. In: Levit S. Ya. (ed.) *Culturology. The twentieth century.* St. Petersburg: Universitetskaya kniga; 1998;2:265–266. (In Russ.)

11. Iskhakov D. M. Jadidism. In: Mukhametshin R. M. (ed.) *Islam and Muslim culture in the Middle Povolzhye: History and Modernity.* Kazan: Master-lain; 2002:128–136. (In Russ.)

12. Malashenko A. V., Nabiev R. A., Khabutdinov A. Yu. Jadidism. In: Nabiev R. A. (ed.) *Islam in the European East.* Kazan: Magarif; 2004:78–80. (In Russ.)

13. Mukhametshin R. M. Jadidismю Ideology of Renewal. In: Usmanov M., Khakimov R. (eds) *History of the Tatars from Ancient Times.* Kazan: Rukhiyat; 2013;6:720–724. (In Russ.)

14. Kashaf Sh. R. Challenges to the National Identity: the Muslim Response in the Russian Case. *Vlast'*, 2015;(4):107–115. (In Russ.)

15. Kashaf Sh. R. Modernization of Islamic Education as a Factor of Russia's Religious and National Security. *Islam in the Modern World.* 2015;11(4):47–62. (In Russ.) DOI: 10.20536/2074-1529-2015-11-4-47-62.

16. Mukhametshin R. M. The System of Muslim Education in Modern Central Russia in the Context of Intra-Confessional Processes. In: *Islam and the State in Russia. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Ufa, 11 September 2013.* Ufa; 2013:17–21. (In Russ.)

17. Yakupov V. The Relationship between Religion and Society in Spiritual Education. In: *The System of Muslim Religious Education in Tatarstan: History, Problems, Prospects. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kazan, 13 October, 2004.* Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; 2005:14–15. (In Russ.)

18. Sagitova L. V. Re-Islamization in Post-Soviet Tatarstan and New Cultural Borders. In: Radvani Zh., Filippova E. I. (eds) *Religions and Radicalism in the post-Secular World. Russian-French dialogue.* Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Goryachaya liniya – Telekom; 2017:91–114. (In Russ.)

19. Putin V. V. Speech at the Meeting of the Council on Interethnic Relations. *The Vestnik Rossiiskoi natsii = Bulletin of the Russian Nation.* 2012;24–25(4–5):12–16. Available at: http://rosnation.ru/?page_id=1080 [Accessed 22 February 2018]. (In Russ.)

20. Putin V. V. Russia: the Ethnic Question. *The Vestnik Rossiiskoi natsii = Bulletin of the Russian Nation.* 2012;22–23(2-3):13–23. Available at: http://rosnation.ru/?page_id=537 [Accessed 22 February 2018]. (In Russ.)

21. Tishkov V. A. Federal Authority and Legislative Resource of Ethnocultural Development. *The Vestnik Rossiiskoi natsii = Bulletin of the Russian Nation.* 2011;15(4–5):15–23. (In Russ.)

Информация об авторе

Сагитова Лилия Варисовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

About the author

Lilia V. Sagitova, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Sh. Mardzhani History Institute of Republic Academy of Sciences.